

УДК 94: 128:291.217: 393

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/102/95>

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В ДОДИНАСТИЧЕСКОМ И РАННЕДИНАСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ

©*Шеркова Т. А.*, ORCID:0000-0002-6203-1959, SPIN-код: 7352-2238, канд. ист. наук,
Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Россия, sherkova@inbox.ru

PICTURE AND HIEROGLYPHIC TEXTS IN PREDYNASTIC AND EARLY DYNASTIC EGYPT

©*Sherkova T.*, ORCID:0000-0002-6203-1959, SPIN-code: 7352-2238, Ph.D., Center for
Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, sherkova@inbox.ru

Аннотация. Иероглифическое письмо возникло в Египте в прото/раннединастический период становления раннего государства монархического типа и, наряду с монументальной архитектурой, является симптомом радикальных изменений в политической, экономической и идеологической сферах жизни общества. В контексте семиотики культура как знаковая система рассматривает все ее содержимое как тесты, хранящие и передающие из поколения в поколение знания. В пространстве глубинной психологии совокупность текстов раскрывает уровень коллективного сознания носителей культуры как коллективного интеллекта и памяти. Письменность в Египте возникла как инструментарий верховной власти, отражая ее природу, функции и социальный статус в контексте мифологических представлений и ритуальной практики. Самыми ранними источниками иероглифического письма, произошедшего от изображений, были царские годовые таблички, посвященные деяниям царей. В качестве летописей они отразились на Палермском камне и ассоциированных с ним фрагментами. Однако летописание неотторжимо от культовой практики и религиозно-мифологических представлений о первопредках и богах, стоящих у основания древнеегипетской культуры.

Abstract. Hieroglyphic writing arose in Egypt during the proto/early dynastic period of the formation of the early monarchical state and, along with monumental architecture, is a symptom of radical changes in the political, economic and ideological spheres of society. In the context of semiotics, culture as a sign system considers all its contents as texts that store and transmit knowledge from generation to generation. In the space of depth psychology, a set of texts reveals the level of collective consciousness of culture bearers as collective intelligence and memory. Writing in Egypt arose as an instrument of supreme power, reflecting its nature, functions and social status in the context of mythological ideas and ritual practice. The earliest sources of hieroglyphic writing derived from images were royal annual tablets dedicated to the activity of the kings. As annals, they reflected in the Palermo Stone and its associated fragments. However, the annals are inseparable from cult practice and religious and mythological ideas about the ancestors and gods who stood at the foundation of ancient Egyptian culture.

Ключевые слова: царь, культ предков, мифы, ритуалы, текст, изображение, иероглифическое письмо, годовые таблички, знаки, символы, коммуникация, коллективная память, мифологическое сознание.

Keywords: king, ancestor cult, myths, rituals, text, image, hieroglyphic writing, annual tablets, signs, symbols, communication, collective memory, mythological consciousness.

Важнейшими признаками раннего государства в древних культурах является монументальная архитектура и письменность. В древнем Египте этот процесс начался в поздней додинастике, лет за 100 -150 до I династии Раннего царства. На табличках из дерева и слоновой кости, обнаруженных в царских гробницах, изобразительные тексты соседствуют с ранним иероглифическим письмом. В Раннее царство письменные тексты наносились на так называемые годовые таблички, цилиндрические печати и их оттиски, надписи чернилами на тулове крупных сосудов для вина и пива. О деяниях царей Раннего царства говорится на Палермском камне, который относится к V династии, на фрагментах анналов из Каирского музея. Этот перечень можно продолжить, что и будет сделано в данной статье. Но основное внимание будет уделено происхождению иероглифической письменности от изобразительных текстов, представленных различными кодами на предметах культуры Нагада на разных ее фазах. А также будет проведен сравнительный анализ изобразительных и письменных текстов на предмет их информативности.

«Семиотическое пространство культуры». Эта фраза Ю. М. Лотмана использована для определения одного из направлений исследования, посвященного возникновению иероглифического письма в контексте семантики как раздела семиотики о знаковых системах в различных культурах. Еще Ф. Сосюр дал импульс рождению науке семиотике, которая, наряду с естественными языками, рассматривает такие средства коммуникации как жесты, изображения, иконографию и пр. До возникновения письменности в древних культурах ее роль принадлежала мнемоническим символам, - природным (деревьям, скалам, небесным светилам) и рукотворным: архитектурным сооружениям, святилищам, объектам, ритуалами, которые связаны с сакрализацией памяти [1]. Это и есть тексты, смысл которых базируется на передаваемых из поколения в поколение мифах и ритуалах, актуализирующих представления о происхождении мира людей, установлении правил поведения, обычаях, обрядах, - словом всех духовных сфер жизни социума. Поэтому культура носит социальный характер. «С точки зрения семиотики, - писал Ю. М. Лотман, - культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых [1]. Отсюда следует и другое определение культуры как память коллектива, что «ставит вопрос о системе семиотических правил, по которым жизненный опыт человечества претворяется в культуру. Эти последние, в свою очередь, могут трактоваться как программа. Само существование культуры подразумевает построение системы, правил перевода непосредственного опыта в текст [1]. Одним из таких текстов были изображения, на основе которых рождалось иероглифическое письмо, столь близкое к рисунчатому, что возникает вопрос, почему изображения по-прежнему сопутствуют тексту письменному.

Иероглифические тексты стали появляться в сложный период сложения первого государства в Египте, в позднединастический период (Нагада III), при распространении власти южно-египетских царей нулевой династии на север, в Низовье. Таким образом, этот эволюционный феномен служит важнейшим симптомом развития общества как социально-политического и культурного единства монархического типа. Хотя на протяжении всей истории древний Египет величался двуединым государством, что отразилось на эпитетах, в том числе в двойственном числе: tAwy — Две Земли, то есть Верхний и Нижний Египет. Письменность возникает при значительном усложнении социальной, политической,

идеологической, военной, хозяйственно-административной сфер жизни общества с усложнением иерархической системы культуры.

Однако возникновение письменности имеет не только социально-исторический аспект, но и в контексте семантики, которая занимается знаковыми системами. Собственно, культура и есть знаковая система, располагающая многими знаковыми системами – «текстами». И к числу основных функций культуры, наряду с долгосрочной коллективной памятью, существует механизм ее передачи – коммуникация, которая осуществлялась с помощью речи, но содержания заключались в «текстах», — всей совокупности объектов материальной культуры, а также жестов, песнопения, танцев, которые играли важнейшую роль во время различных ритуалов. Все объекты материальной культуры, — природные и рукотворные: святилища, погребения, предметы изобразительного искусства, — амулеты, расписная керамика с воплощенными на ней «сценами» из жизни предков и богов; статуи и статуэтки, многочисленные ритуальные предметы определяют культуру как знаковую систему, выраженную на образно-символическом языке. В потоке времени изменялись материальные объекты, причем в целом универсальные для различных памятников культуры Нагада, распространившейся из долинной части Египта в дельту Нила в процессе продвижения ее на север и ассимиляции местных культур, завершившегося поступательным завоеванием южно-египетскими царями. Вот тогда стали строиться монументальные архитектурные сооружения, — храмы, царские и элитные усыпальницы, стали появляться первые письменные иероглифические тексты.

«Текст не действительность, а материал для ее реконструкции». И вновь воспользуемся фразой Ю. М. Лотмана, чтобы обратиться к теоретическим установкам семиотики. В исследованиях, посвященных анализу «текстов» в додинастическом Египте и Раннем царстве, — от предметов, изображений, ритуалов до письменных текстов в контексте семиотики, — ключевым является слово «знак», объединяющий оппозицию означающего и означаемого, в которой первое указывает на план выражения, а второй — на план содержания. Многие «языки», на которых выражалась древняя культура, — жесты, предметы, изображения, наконец, письмо, — служат для обозначения плана выражения, то есть служат знаками-функциями, «которые пропитываются смыслом, знаки, которые общество приспособляет для целей обозначения. Такая семантизация неизбежна; с того момента, как существует общество, всякое пользование предметом превращается в знак этого пользования. Означаемое же является не вещью, а нашим представлением о вещи (образом вещи), что сближает этот знак с символом» [2], в том смысле, что символ обозначает нечто большее, чем знак. Знак, как и образ, подобен понятию (плану содержания) «своей референциальной способностью: они оба могут замещать другую вещь. И все-таки в этом отношении понятие обладает неограниченными возможностями, тогда как у знака они ограничены» [3]. Иначе говоря, за термином «понятие» скрывается символ, обладающий некоторым содержанием, «которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [1].

В контексте аналитической психологии символ всегда больше, чем его конкретное выражение, поскольку, в отличие от знака, он многозначен. Вместе с тем то или иное его выражение является наилучшим символическим объяснением, помимо всяких мыслимых объяснений, как «выражение некоторого, еще незнакомого и непонятного мистического или трансцендентного, т.е. прежде всего психологического, смысла...» [4].

«В символе всегда есть что-то архаическое». Ю. М. Лотман отмечает, что «стержневая группа их действительно имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе, когда определенные (и, как правило, элементарные в начертательном отношении)

знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива. Способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты сохранилась за символами». Да, символ принадлежит к знаковым элементам, однако он как бы сгущает принципы знаковости, но одновременно выводит за ее пределы. «В иконе (и символе вообще) непроективность плана выражения на план содержания входит в природу коммуникативного функционирования знака. Содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» [1].

Символы. В плане выражения символ как мнемонический знак-архетип имеет сложную природу, содержит очень обширную информацию в плане содержания и выходит далеко за пределы символа-индекса, охватывая круг глубинных представлений в культуре. А в контексте с другими символами он позволяет реконструировать тот или иной изобразительный текст как в синхронии, так и диахронии, так как он воплощается в текстах хронологически более поздних, сохраняя свою инвариантность. Так, додинастическая культура Нагада на всех фазах ее развития, которые зафиксированы в виде различных предметов материальной культуры, от мелкой пластики до археологически выявленных изображенных сакральных объектов и самих этих объектов, раскрывает развитие религиозно-мифологических представлений, сохраняя при этом цементирующее начало культуры Древнего Египта. Уже на заре своего развития носители оседлой культуры Верхнего и Среднего Египта задавались вопросом «кто мы», «откуда мы» и отвечает через мифологическую образную систему, включая следы тотемических представлений первобытности, что отразилось в зооморфных образах богов. Вместе с тем практический образ жизни, — занятия земледелием и скотоводством, наблюдение за сезонным изменением уровня нильских вод, движение по небесной сфере самого мощного источника тепла и энергии — Солнца, — все природные явления, которые окружали людей, неизбежно давали импульс познанию этих феноменов для жизни, но которые в мифологическом мышлении порождали образную картину мира. Так, в древнейшем мифе был рожден образ первобытного холма во время разливов Нила, который сохранился и через сотни лет. В Текстах пирамид он приветствуется как солнечный бог Атум, сам себя создавший, в имени его «Холм» (Pug. § 1587),

Солнце и Нил, — вот две доминанты в мифопоэтическом творчестве древнего Египта, ибо они источники и податели жизни, а потому и ключевые образы в картине мира. Движение Солнца по небесной сфере определяли три фазы, — восход, зенит и закат, к которому добавлялась четвертая фаза, — пребывание его в подземном мире, где солнечное божество сражалось и побеждало своего противника и вновь рождалось на восточной части неба. Эти представления отражены в письменных источниках классического периода древнего Египта. Однако истоки их относятся к додинастической эпохе. Эти представления проецировались на человеческую жизнь о новом рождении, впрочем, уже в небесном мире в виде души, отсюда культ предков, воспринимаемых как сверхъестественные существа, научившие живущих всем видам деятельности, включая обязательные ритуалы, для которых изготавливали особые предметы, которые (как мнемонические объекты), будучи символами, содержали большой объем информации о духовной жизни социума, выраженной такими средствами коммуникации как жесты, танцы, песнопения, манипулирование ритуальными предметами, жертвоприношение, — словом, соблюдая «сценарии», предусмотренные тем или иным ритуалом. Наблюдение за циклическими явлениями окружающей среды и соответствующие феномены в жизни отдельного человека и социума послужили почвой для мифологических и религиозных представлений о циклическом движении мироздания,

основанном на оппозиции между противоположностями и их примирением в едином пространстве древнеегипетской культуры.

Письменность возникает как бы внезапно, на стадии становления государства, и самые ранние письменные тексты были связаны с фигурой царя, его функциями и высоким социальным, политическим и религиозным статусом [5]. С одной стороны, процесс становления государства занял длительный период, начиная с ранних фаз культуры Нагада (а, может быть, с Бадарийской культуры, в некрополях которой находились, пусть и единичные, богатые погребальным инвентарем могилы), локальные территории которой находились под управлением вождей/региональных царей. Переломным моментом явился процесс укрупнения наиболее сильных локальных территорий Южного Египта за счет присоединения других при завоевательных походах региональных царей как в южном, так и в северном направлении. С другой стороны, укрупнение и усложнение структуры общества, развитие социально-имущественной иерархии, рождение идеологии и института верховного правления, администрирования требовало изменения во всех сферах жизни крупного социума. Эти радикальные изменения вызвали к жизни новую форму фиксирования событий, связанных с фигурой царя, его функциями в объединенном Египте, отвечающего за его процветание. Эти процессы вызвали начало письменности, возникшей на основе символических знаков рисунчатого письма, которые, будучи мнемоническими знаками, с точки зрения семиотики, сохранили глубинные мифо-религиозные представления, развивавшиеся в классический период истории и культуры Египта. К их числу принадлежат изображения лодки, которые были неотъемлемыми от фигуры царя и его функций в разных сферах жизни социума.

Символическое значение лодки. Исключительно популярными в изобразительном искусстве были нильские корабли и лодки. Основное передвижение в Египте происходило на лодках по Нилу. На многих годовых табличках, в которых говорится о поездках царей, изображены лодки. В погребениях додинастического времени их модели встречаются часто.

В современной египтологии все чаще высказывается точка зрения о метафорическом значении лодок. Однако, что именно заключено в этом символе, зависит от контекста. Они символизируют силу и могущество царя [6], социум, объединенный лидером, а говоря шире, – победу космического порядка над хаосом [7], что и входит в концепцию власти царя, принадлежавшего не только миру земному, но и космическому, божественному. Поэтому «сюжеты», связанные с военными победами царей, их триумфом, широко представленные в изобразительном искусстве культуры Нагада протодинастического и раннединастического времени в более глубоком смысле отражают идею восстановления космического порядка. Однако изобразительный контекст, в котором представлена лодка, позволяет говорить о том или ином аспекте представлений. Так, ряд примеров позволяет интерпретировать представления о погребальном обряде.

На панно из гробницы 100 [8] регионального царя Иераконполя, датированной Нагадой IIС (лодки изображались и на расписных сосудах типа С фазы Нагада I в сценах охоты на обитателей Нила.), в числе других изображен черный корабль, на котором перевозят тело владыки, на другом же корабле изображен наос, в котором царь осуществляет ритуальный бег во время царского юбилея или праздника *hb-sd*. В композиции с плывущими судами представлены основные сцены и мотивы, присущие фазе Нагада IIС, ставшие прототипами, но видоизмененными, для изображений протодинастического времени. Это сцены охоты хищных животных на травоядных, сражений, смешанные сцены, борьбы пары людей, что характерно для изобразительного искусства додинастического искусства. Все эти сцены расположены на воде, между судами [9] (Рисунок 1).

Рисунок 1. Панно из гробницы 100. Иераконполь

В Умм эль-Каабе (Абидос), в 1 км от некрополя царей нулевой и первых двух династий находился комплекс, представляющий собой остатки построек, которые считаются заупокойными храмами царей с нишевидными стенами, какие изображены на знаке *srh* с именем царя Хора-имярек в царской титулатуре. И возле Западной мастабы, принадлежавшей анонимному царю, находилось захоронение 14 деревянных лодок длиной по 25 м. [10].

В царском некрополе Саккары, близ города Мемфиса, к северу от мастабы основателя I династии Хора-Аха было найдено захоронение большой деревянной лодки (дл. около 20 м) [11].

Безусловно, эти объекты в контексте погребального обряда связаны с ритуалом, причастным к мифологическим представлениям о способе перемещения умершего царя в загробный мир. Из «Текстов пирамид» следует, что почивший царь переправлялся в иной мир на лодке или на крыле птицы – бога Тота. (Pyr. Utt. 270, §383–385; Pyr. Utt. 270, § 387) [12]. В Каирском музее хранится множество небольших деревянных моделей погребальных нильских кораблей, относящихся к Древнему и Среднему царству. Переправа царей в потусторонний мир на лодке берет начало в додинастическом Египте, когда, судя по находкам моделей лодок в могилах простых общинников, этот обычай уже имел место на первых фазах культуры Нагада. На запад, где садилось Солнце, переплывало судно с покойным, вслед за заходящим светилом.

Солнечный бог Ра почитался уже при царях II династии, о чем свидетельствуют теофорные имена Небра и Неферкара, однако его культ в качестве государственного сложился при V династии, хотя он существовал и при III–IV династиях и даже раньше. В святилище Солнца царя V династии Нефериркара, сообщает летопись на Палермской камне, строилась ладья. И далее текст сообщает о том, что для бога Ра в святилище Солнца – «Место сердца Ра» были сделаны из меди две ладьи по восемь локтей в длину, – вечерняя солнечная ладья и утренняя солнечная ладья. Возле святилища Солнца царя Ниусерра также была обнаружена ладья из сырцового кирпича [13]. Наиболее раннее из известных изображений солнечной ладьи представлено на гребне из кости царя I династии Хора-Джета из Абидоса (Рисунок 2).

Не известно, существовали ли представления о том, что умерший царь сопровождал бога Ра в его небесных плаваниях при царях Раннего царства. Однако из вышеприведенных материалов и археологических данных следует, что в представлениях носителей культуры Нагада не только царь, но и простые общинники перемещались в иной мир на лодках. Иначе говоря, элементы «высокой культуры» берут начало в «культуре народной», традиционной.

Царское имя бога Хора. Тронные имена царей являются самыми ранними примерами иероглифического письма. Если на упомянутых памятниках Нижнего Египта речь идет о

культе солнечного бога Ра, то выходцы из Иераконполя в Южном Египте — цари нулевой династии носили тронное имя бога Хора, первое из пяти Великих имен в царской титулатуре. Это тронное имя царя выписывалось в форме символа, воспроизводящего фасад царского дворца, или наземной части гробницы (мастабы), или святилища бога Хора с нишевидными стенами, получившего в египтологии название palace-façade, увенченного фигуркой сокола. В прямоугольной рамке знака иероглифически выписывалось хорово имя правящего царя (Рисунок 2) на многих предметах, принадлежавших царю, J. Veines включает в понятие «текст» не только письменный язык, но также изобразительную форму, которую сохраняла фундаментальное первенство. Египетскую систему письма он связывает с «высокой культурой» в контексте социального развития общества на пути к сложению государства и социальной иерархии, — становлению института монархии и причастной к ней элите. Поэтому иероглифическое письмо появляется на престижных предметах, — годовых табличках из дерева и кости, цилиндрических печатях и их оттисках на сосудах, а также в виде чернильных скорописных надписей на сосудах и в царских списках. Письменность возникла только для социальной элиты, как инструмент института царства и администрирования. Египетская система письменности появилась в сравнительно короткий период после сложения государства как средства коммуникации в социальных верхах. Введение письменных анналов является высшей точкой в развитии письменности для царской идеологии и администрирования в период Раннего царства [14]. На протяжении всей истории древнего Египта письменная система остается интегрированной в рисунчатые композиции и изображения [15].

Созданию единого раннего государства предшествовал период, когда в Южном и Среднем Египте существовали локальные территории, верховная власть в которых принадлежала региональным царям, которых относят к нулевой династии. Наиболее крупными были Иераконполь (древний Нехен), Нагада и Абидос. Иераконпольская гробница 100 с панно принадлежала анонимному царю (Нагада IIС), однако в пустынной зоне находился более ранний элитный некрополь НК 6 с погребениями ранней фазы культуры Нагада IC – ПАВ (ок. 3700–3600 гг. до н.э.) [16; 17].

Элитный некрополь Т с погребениями ранней фазы культуры, найденный в Нагаде, был предназначен для социально-имущественной элиты, обладавшей властью в Нагаде в период, предшествовавший созданию династий египетских царей [18]. Более поздние погребения были датированы фазами Нагада IIС/D и Нагада III [19-21].

Цари, правившие на ранней фазе культуры Нагада I (амратская фаза), отнесены к 00 династии, когда письменность еще отсутствовала. В большом некрополе U в Ком эль-Ахмар, где было обнаружено около 700 погребений, относящихся ко всем фазам культуры Нагада, найдены богатые погребальным инвентарем гробницы. В одной из них 547, датированной фазой Нагада IID, находился фрагмент скипетра hka в виде крюка, аналогичный найденному в большой гробнице U-j, принадлежавшей региональному царю Скорпиону I, правившему в Абидосе в протодинастическое время (Нагада IIIA1, ок. 3300 г. до н. э.). Впервые используются иероглифические знаки для написания его имени в виде знаков скорпиона и дерева. Оно выписано чернилами на цилиндрическом сосуде, но без царского знака srh [20, 21]. Однако на другом сосуде его имя выписано в знаке srh, увенчанном фигуркой сокола [22]. Это вносит существенную поправку о том, что впервые знак srh появляется при царе нулевой династии (конец фазы Нагада IIIB) Хоре-Ка, предшественнике Хора-Нармера, но следующего за Ири-Хором, имя которого выписывалось без знака srh. Их гробницы расположены между некрополем U и B с гробницами царей I династии в Ком эль-Ахмаре.

Начиная с первых царей нулевой династии в знаке *sgx* выписывалось имя правящего царя, однако, далеко не всегда. Так, на палетке из музея Метрополитен (местонахождение не известно) хорошо имя царя отсутствует (Рисунок 3). Возможно, эта палетка принадлежала основателю династии додинастических правителей Иераконполя, легендарному вождю или царю соколу-Хору, имя которого стало прибавляться к хоровым именам правящих царей, которые считались земным воплощением солнечного бога Хора в облики сокола (древнего тотема?).

Рисунок 2. Гребень Хора-Джета. Абидос

Рисунок 3. Тронное имя царя Скорпиона I. Умм эль-Кааб

Как уже отмечалось, знак *sgx* символизирует царский дворец — *palace-façade* или гробницу с нишевидными стенами, над которым изображен иераконпольский бог Хор в образе сокола, которому было посвящено святилище в Иераконполе; оно начало функционировать на фазе Нагада IIС (этим временем датируется гробница 100 с расписным настенным панно). Амулеты и фигурки сокола были достаточно популярными в археологических комплексах амратской фазы культуры Нагада. Малахитовая статуэтка сокола происходит из погребального комплекса 16 в элитном некрополе амратско-герзейского времени (Нагада IIС – IIАВ) [23].

Многие изображения знака *sgx* на различных предметах, в том числе на сосудах, не содержат царского имени, поэтому должны датироваться до фазы Нагада IIIС1. Но известны случаи с выписанными именами, носители которых не известны. К их числу принадлежит Nj-Nr из Тархан и Nz.t-Nr из Тура. Среди всех известных случаев выписывания царских имен в знаке *sgx* иногда на нем не восседает сокол. С. Хендрикс полагает, что оба знака, символизирующие царскую власть, появились независимо один от другого, но стали сочетаться позднее [24], с конца нулевой династии и при царях I–II династии. Автор полагает, что *palace-façade*, изображенный в знаке *sgx*, впервые появляется в хоровом имени царя Ка нулевой династии. Однако, как упоминалось выше, хорошо имя царя Скорпиона выписано чернилами в знаке *sgx*, увенчанном фигуркой сокола-Хора на одном из сосудов. Собственно,

такие сооружения с нишевидными стенами известны по раскопкам в Нагаде (мастаба Мернейт, матери царя-основателя I династии Хора-Аха и в святилище Хора в Иераконполе (НК29А), реконструкция М. А. Хоффмана [24]. Однако они могли существовать и раньше, на фазе Нагада IIIA2, только еще не найдены, полагает С. Хендрикс [25], что подтверждает надпись на сосуде царя Скорпиона, но несколько раньше, чем указывает С. Хендрикс, – на фазе Нагада IIIA1 (ок. 3200 г. до н. э), к которой принадлежит гробница царя Скорпиона в некрополе U в Ком эль-Ахмаре (Рисунок 3). Надо сказать, что и сам С. Хендрикс нашел прообраз нишевидной стены в подземной части гробницы царя Скорпиона [25]. Г. Дрейер отмечает, что царь Скорпион I, в отличие от одноименного иераконпольского царя Скорпиона II, чья церемониальная булава была найдена в главном депозите храма Хора в Иераконполе, правил лет на 150 раньше [20]. Имя его выписано двумя иероглифами: розеткой (знак царственности) и скорпионом, но без знака *srh* (Рисунок 4).

Рисунок 4. Фрагмент церемониальной булавы Скорпиона II. Иераконполь

Тексты царей Раннего царства. К числу предметов с текстами относятся таблички, ярлыки, цилиндрические печати, их оттиски и буллы на сосудах, церемониальные палетки и другие предметы, принадлежавшие царю. Наиболее ранними и информативными являются так называемые ярлыки, изготовленные из дерева и слоновой кости. Это сравнительно небольшие квадратные пластины, с примерно от 3 до 8 см стороной, с круглым отверстием для подвешивания на сосуды (?), с иероглифическими и рисунчатыми знаками. В египтологической литературе их называют по-разному: табличками, годовыми ярлыками, царскими ярлыками. Каждое из названий отражает их содержательную функцию, — фиксируют важные события при правлении того или иного царя. И в этом качестве они являются предтечами летописей. В этой связи, как представляется, наиболее адекватным могло бы быть название «царские таблички», поскольку они, написанные иероглифическим письмом, раскрывая событийный характер их содержаний, являются самыми ранними летописями, относящимися к концу протодинастического — раннединастическому времени, что сближает их с Палермским камнем и ассоциированными с ним фрагментами из

Каирского музея, относящимися к V династии. При этом необходимо отметить, что иероглифы на табличках тождественны иероглифическому письму на этих исторических источниках [26]. В настоящее время известны несколько сотен табличек, в основном происходящих из гробниц царей I династии.

В статье W. Fritschy [25] анализируются годовые ярлыки, которые предложено называть ярлыками благовоний (label balm), поскольку они использовались для мумификации. Химический анализ бинтов с мумии, которые были найдены в одной из провинций Верхнего Египта (хранятся в музее Турина) и датированы Нагадой IA-IIВ (3700-3500 гг. до н. э.), выявил сложную смесь растительных масел/животного жира, растительного ароматического экстракта, камеди и смолы хвойного дерева. В секции табличек h.t, расположенной в нижней левой части проанализированных ярлыков царей I династии автор идентифицировал целый ряд веществ для мумификации. Ярлыки происходят из гробниц, хотя автор не считает, что возникновение письменности было связано с погребальным обрядом. На ряде табличек упоминаются имена и титулы представителей высшей элиты, служивших при царях, которые желали подчеркнуть их значимость при погребении владыки. В секции о событиях речь идет о ритуалах, праздниках в честь богов и царей, посещениях храмов, поездках царя к святыням, в которых почитался тот или иной бог.

Т. Уилкинсон разделяет царские годовые ярлыки на три категории по количеству тех или иных содержаний: религиозных церемоний, царских визитов, сцен военной активности строительства храмов [21]. Это основные функции, присущие царям, которыми они были наделены на протяжении всей истории Древнего Египта. Вместе с тем функции военной активности скорее можно назвать триумфальными сценами, которые составляют не самую представительную группу среди царских годовых табличек. В большей степени это характерно для церемониальных палеток, которые, впрочем, имеют различия в образной системе (см. ниже). Да и относятся они только к позднединастическому времени, непосредственно предшествующему раннединастическому. Деятельность царя, связанная со строительством посвященных богам святилищ, и посещение уже существующим святынь, а также поездки, связанные с культовой и административной деятельностью, представлены самой большой группой.

Т. Уилкинсон в монографии [27] отмечает важную роль, которую играют Палермский камень, фрагменты из Каирского музея и годовые ярлыки как исторические источники для изучения раннединастического периода, функциях царей. Вместе с тем он высказывает точку зрения о том, что невозможно сказать, действительно ли события, о которых сообщается в них, отражают реальность или нет; скорее они указывают на идеальный взгляд на правление царя, чем на объективную историческую действительность. И это обстоятельство следует учитывать, называя эти источники историческими. Древние египтяне были адептами мифологического или символического мировосприятия событий, наделяя их смыслом «исторических». В качестве аргументов он приводит данные, представленные на церемониальной булаве Нармера о количестве пленных, которое кажется чрезмерным для столь раннего времени. Но тогда пришлось бы полагать, что события, о которых сообщает изобразительный текст, сопровождаемый иероглифическими знаками, отождествляющими завоеванные территории в Дельте, а также хорово имя царя пришлось бы относить к не имевшим место в действительности, а только к планируемым. Это, впрочем, относится к памятникам и последующих царей. Но, если обратиться к другим источникам, даже Библии, где говорится о невероятно длительных сроках жизни патриархов, то приходится констатировать, что подобные преувеличения — дань мифологическому мышлению. Этот прием наделялся смыслом усиления значимости царской идеологии, магических сил царей,

природа которых была связана с обожествленными предками и божественным миром. Это один из приемов, как и в изобразительном искусстве, воплощать фигуры царей в значительно большем масштабе, чем прочие элементы в композициях. Как и священные образы, представленные в их центре при соблюдении принципа зеркальной симметрии. Эти изобразительные приемы характерны для изобразительных текстов для всех периодов истории и культуры древнего Египта, они достаточно универсальны.

Таким образом, если следовать установкам Т. Уилкинсона, то придется отрицать реальность всех событий, связанных с деянием первых царей. Однако, тогда вместо истории образуется огромная лагуна величиной в тысячелетие. Разумеется, менталитет древних египтян воспринимал историю через господствующее мифологические представления о картине мира, образах и того, что мы называем символами как инструментарием мифотворчества. Все внешние события в природе и социальном мире, осмыслились через призму представлений о мифологических истоках жизни социума, законах единства макро– и микрокосмоса, установленных в первоначала обожествленными первопредками и богами, культ которых был основополагающим для древнеегипетской культуры.

Египтолог и культуролог Ян Ассман исследовал принцип единства социума и мира божественного в терминах культа на земле и смыслов, которые исходят из мира иного, божественного. Он приводит в качестве примера этого единства образ храма, символизирующего космос, в стенах которого осуществляется культовое действие, символическим образом воздействующее на космические процессы, то есть на мир богов. «Космос — это небо: сфера далекая, ”потусторонняя”, в определенном смысле трансцендентная, доступная человеку только через посредство символов. Собственно, контакт с богом осуществим единственно в культовом измерении». Познать бога можно только через культ [28]. Отсюда следуют сообщения о посещениях царем храмов, в которых осуществлялись ритуальные действия, связанные с празднованием рождения бога, заботами о его статуях, о чем сообщают годовые таблички и летописи на Палермском камне и фрагментах.

В связи с адекватным пониманием феномена мифологического сознания и мифотворчества необходимо обратиться к трудам историков, культурологов и психологов. И коль скоро речь идет о сознании, как представляется, в первую очередь уместно привести высказывания родоначальника аналитической психологии К. Г. Юнга, который посвятил мифологическому сознанию многие труды. К тому же он был основательно знаком с работами религиоведов и культурологов, имея с ними рабочие и личные контакты, в том числе с М. Элиаде, его идеей возвращения к истокам. «Космогония есть модель для подражания в любой области: не только потому, что Космос является идеальным архетипом одновременно для всех творческих ситуаций и для любого творчества, но также потому, что Космос — это божественное творение; он освящен в самой своей структуре. В расширительном смысле все, что есть совершенного, наполненного, гармоничного, плодоносного, одним словом; “космизированного”, все, что похоже на Космос, развитие — все священно. Делать что-либо, творить, конструировать, созидать, организовывать, придавать форму, воплощать, формировать — все это значит осуществлять что-нибудь в реальности, давать жизнь чему-то и в конечном счете сделать это “что-то” подобно самому гармоничному организму — Космосу» [29].

Для наиболее адекватного понимания мифологии, мифологического сознания К. Г. Юнг обращался к этиологическому аспекту, раскрывающему первопричины рождения мифологии. «Для народов-мифотворцев мифология являлась и формой самовыражения, и формой мышления, и формой существования... Для древнего человека мифология его народа была не

только убедительной, т.е. обладающей смыслом, но и объясняющей, т.е. придающей смысл всему остальному» [34].

Мир мифа — это мир фантазий; они «не выдумываются, но являются в виде образов или цепочек представлений, которые прокладывают им путь из бессознательного... [31]. Все опасные в физическом мире ситуации, вызывающие аффекты, страх «отливаются» в форме мифологем и фантастических образов, поэтому мифологическое сознание не изображало реалистически природные явления, а передавало их в фантастических образах.

Психологическим механизмом, преобразующим энергию (в качестве аналога либидо), полагал К. Г. Юнг, — является символ, имеющий сложную природу (рациональную и иррациональную). Символ не изобретается, а, будучи продуктом бессознательного, выходит в свет сознания через откровения, сновидения, то есть интуитивные знания [32, 33].

Основной в данном контексте вывод, который можно сделать о мифологическом мышлении, связан с тем, что носители его совершенно адекватно оценивали мир, их окружающий, однако воспринимали его посредством образно-символического языка. А «историческая» память являлась цементирующим началом в передаче мифических образов, которые окружали мир, формулировали ответы на вопросы «кто мы», «откуда мы», связанные с идентичностью, непрерывностью жизни коллективов из поколения в поколение. Историческая память выдвинула на первое место культ предков, богов, с которыми люди находились в постоянной связи через ритуалы, повторяющие события первотворения. Главной фигурой в ритуалах был прежде вождь, затем региональный царь, а в эпоху раннего государства – общеегипетский царь в двуедином Египте как медиатор между миром людей, почивших предков и богов. «Подобно тому, как ритуал и праздник суть образы творения, — писал В. Н. Топоров, — главная фигура ритуала царь в роли *первосвященника* является диахроническим вариантом демиурга ...; его роль в обществе определялась космологическими функциями, сходными с функциями других сакральных представителей “центра мира”... Отсюда вера в божественность царя, в то, что он носитель порядка, закона, справедливости, подобно солнцу, с которым связываются те же представления в сфере природных явлений» [34].

Мифопоэтическое или космологическое время, существовавшее и в период сложения первых мировых цивилизаций, выражалось на языке изобразительного искусства, когда письменность еще только возникала. Так, на церемониальной булаве иераконпольского царя Скорпиона имя его выписано иероглифическими знаками в виде скорпиона и знака царственности — розетки, однако еще без знака sgx , в котором выписывалось имя иераконпольского бога Хора в виде сокола.

Царские события, праздники и ритуалы на годовых табличках, печатях, Палермском камне и фрагментах. Эти сюжеты являются наиболее частыми на царских годовых табличках, на Палермском камне и на ассоциированных с ним фрагментах (Рисунок. 5, 6). Следует отметить, что далеко не все события, представленные на царских годовых табличках, воплощены на Палермском камне и фрагментах. Историческая память более, чем через четыреста лет, не сохранила всех событий, связанных с царями Раннего царства. Но и то, что донесла история до Древнего царства, должно было бы иметь механизм передачи этой информации. Таблички были найдены в гробницах царей, значит, могли существовать какие-то архивы от Раннего царства, о которых нам ничего не известно. Те или иные отсеки идентифицируются по событиям, изображенным в них, и годам в период правления того или иного царя, когда они произошли.

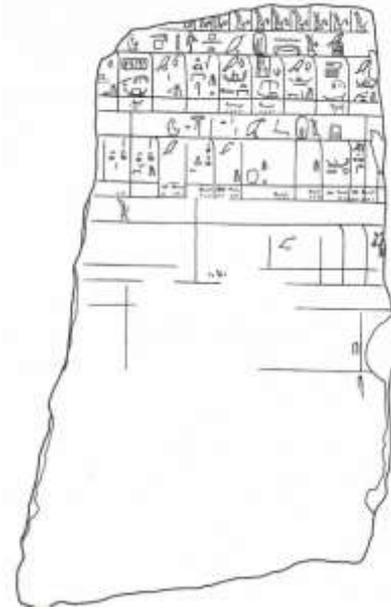
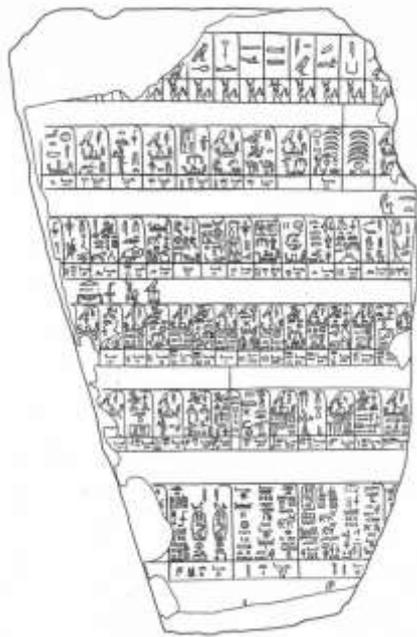

Рисунок 5. Палермский камень. Прорисовка

Рисунок 6. Фрагмент летописи 5. Каирский музей

Наиболее ранние из известных годовых табличек и печати принадлежат Хору-Нармеру (Рисунок 7), на которых он представлен воителем, как на знаменитой церемониальной палетке, посвященной завоеванию в Дельте. Можно полагать, что этот царь начал процесс собирания земель от Верхнего до Нижнего Египта. На многих сосудах, происходящих с ряда археологических памятников в Дельте, изображено тронное имя Нармера в царском знаке *sgx*. Более того, в Нижнем Египте найдены глиняные печати и сосуды с именем его предшественника царя нулевой династии Хора-Ка. Сосуды с надписями происходят из некрополя в Хельване, который принадлежал элите Мемфиса. И этот факт Т. Уилкинсон предположительно рассматривает как указание на то, что эта новая столица была основана не при первом царе I династии Хоре-Аха, что до сих пор было принято считать, а может свидетельствовать о ее существовании при следующим за царем Ка Нармере [21].

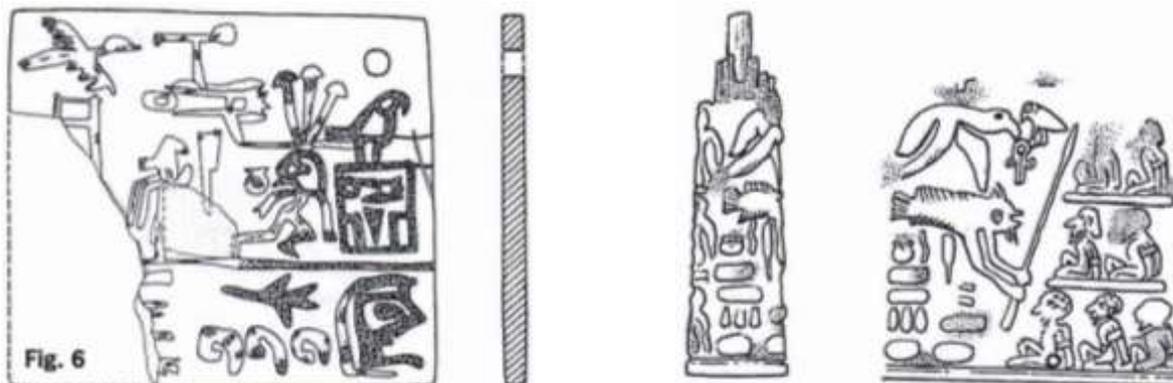

Рисунок 7. Годовая табличка и печать Нармера

Тем не менее, события, связанные с правлением некоторых царей нулевой династии, начавшими процесс завоевания Нижнего Египта, не упоминаются в летописи на Палермском камне, если не считать изображенных в верхнем ряду царей в красной короне Низовья, что не

в последнюю очередь послужило рождению теории существования двух царств в Нижнем и Верхнем Египте до объединения страны [35].

Однако ни одно из их имен не соответствует именам зафиксированных в источниках додинастических царей Египта. Что касается верхнеегипетских царей-завоевателей I династии, то их списки представлены на печати царя Хора-Дена из его гробницы в некрополе Абидоса и на печати последнего царя I династии Хора-Каа (Рисунок 8). В обоих случаях перечень имен царей начинается с Нармера. Однако на Палермском камне события, происходившие при его правлении, не упоминаются.

Начиная со второго регистра на Палермском камне и фрагментах важные события при правлении царей запечатлены внутри годовых отсеков, на которые разделены горизонтальные регистры. Каждый год, обозначенный иероглифом *gnr.t*, содержит краткую информацию о событиях, которые связаны с религиозными праздниками, ритуалами, посещениями святынь в «дни рождения» почитаемых богов, царскими праздниками *hb-sd*, *šms-Ḥr*. В нижней части годовых отсеков изображены иероглифы, обозначающие ежегодную высоту подъема вод Нила в сезон наводнения ахет.

Сезонные наводнения происходили летом, в месяце бога Тота, в середине июля (для широты Мемфиса), — в первом месяце Нового года. И к этому очень важному природному событию, проецированного мифологическим сознанием на социум, были причастны праздники и ритуалы. Вполне вероятно, что зафиксированные ежегодные события, о которых говорится в летописях, причастны к этим сезонным явлениям, — оживлению природы, началу земледельческого сезона, обновлению духовной жизни общества, наступлению космического порядка. В обществе эти события знаменовались праздниками и ритуалами, о которых сообщают годовые таблички и летописи на Палермском камне и фрагментах. Следует отметить, что во многих годовых отсеках разных царей изображена лодка, на которой царь осуществлял поездки по стране, посещая святыни.

В египтологической литературе нет единого мнения о том, кто же был первым царем, события из правления которого были занесены в летописи на Палермском камне и фрагментах, поскольку имена правителей Раннего царства не упоминаются. Но в современной литературе считается, что первым упомянутым царем был основатель первой династии Хор-Аха [27]. В начале второго ряда изображен год, называемый *šms-Ḥr mst* [*Inpw*] — «Спутники Хора»; создание (образа) Анубиса. Это событие часто представлено на царских годовых табличках, Палермском камне и фрагментах.

Изначальное значение связано с мифологическими представлениями о путешествиях бога Хора, которого сопровождали изображенные на штандартах боги, в частности на церемониальной палетке Нармера и др. (Рисунок 9), — Анубис, Тот, Мин. Начиная с I династии эти мероприятия, судя по изображениям на годовых табличках, Палермском камне и фрагментах, были связаны с посещениями царя и его спутников (придворных, жрецов) святилищ, посвященных богам — спутникам Хора, земным воплощением которого был царь. Так, в частности упомянутый фрагмент на Палермском камне был посвящен посещению святилища Анубиса, в котором находилась статуя бога, день рождения которого отмечал царь со свитой. Слова *mst Inpw* «рождение Анубиса» символизируют действия, которые осуществлял царь над статуей бога, производил омовения, кормления и другие манипуляции, связанные с культовыми действиями во время ритуала в храме этого бога, куда прибыла лодка с царем и его спутниками.

Рисунок 8. Годовая табличка Хора-Каа из Абидоса

Рисунок 9. Палетка Нармера

Это позднее, при II династии мероприятие «Спутники Хора» было причастно к административно-хозяйственной деятельности царя по сбору дани (в сельском хозяйстве, от добычи местных и привозных минералов и пр.) для верховной власти и двора и судопроизводству, происходивших раз в два года [14].

В правление Хора-Джера было несколько события *šms-Ḥr* (лодками, на которых совершались поездки во время мероприятий *šms-Ḥr*, называются суда, которые выглядят, скорее, как нильские корабли.). При этом они были посвящены поездкам в храмы почитаемых богов. На седьмом году правления царь Джер посетил храм Мина в Коптосе, где находилась колоссальная статуя бога. На Палермском камне это событие представлено в третьем ряду [27]. На годовых табличках царей изображены события, связанные с посещениями святилища богинь Уаджет в образе змеи из нижнеегипетской столицы Буто и Нехбет в образе самки коршуна из Эль-Каба в Верхнем Египте [22]. Иногда Уаджет изображалась в виде Красной короны Низовья (Рисунок 10, 11).

Рисунок 10. Годовая табличка Хора-Аха из Нагады

Эти события, вероятно, были приурочены к празднованию воссоединения обеих земель. А на годовой табличке Джера из Абидоса речь идет о посещении царем святилища Уаджет (в

виде Красной короны) в Низовье (в Буто) (Рисунок 12). Однако эти события не отразились в летописях.

Рисунок 11. Годовая табличка Хора-Джета из Саккары

Рисунок 12. Годовая табличка Хора- Джера из Абидоса

На деревянной годовой табличке Хора-Аха из Абидоса (Рисунок 13) в верхнем ряду изображена лодка, под которой представлено святилище богини Нейт в Буто [22], регистром ниже воплощена сцена принесения в жертву быка, справа — святилище с изображением птицы, возможно, ибиса Тота. В следующем регистре представлен караван нильских кораблей с символами городов. Все это указывает на то, что во время события šms-Ḥr царь и его спутники посещали святилища богов, где он проводил ритуалы.

К числу самых важных праздников принадлежал hb-sd , посвященный легитимации власти царя, который проводился, как считается, каждые тридцать лет, однако, судя по годовым табличкам и другим источникам, в действительности повторение этого события могло происходить и раньше. Наиболее ранним источником этого праздника времен царя I династии Дена является годовая табличка (Рисунок 14) и оттиск печати из Саккары (Рисунок 15).

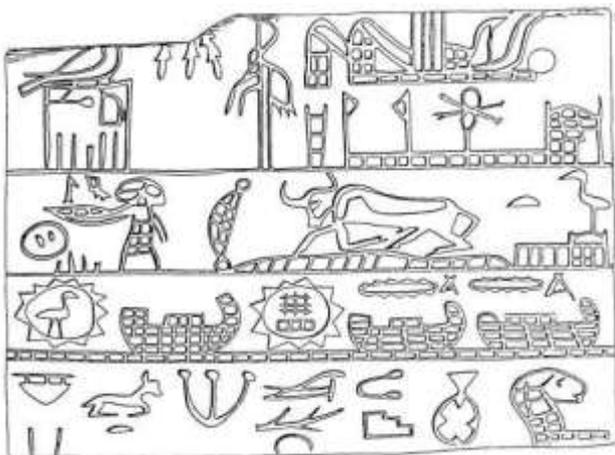

Рисунок 13. Годовая табличка Хора-Аха из Абидоса

Рисунок 14. Годовая табличка Хора-Дена из Абидоса

На ней представлен ключевой момент церемонии – ритуальный бег царя (эта сцена представлена на панно из гробницы 100 в Иераконполе, датированной фазой Нагада ПС2 (ок.

3500 г. до н. э.), I династия датируется от 3050 г. до н. э.). На Палермском камне это событие сочетается с праздником воссияния царя Верхнего и Нижнего Египта, в третьем ряду, отсек третий справа [22].

Традиционно в период Раннего царства важную роль играл культ предков. Об этом свидетельствуют многие источники, включая годовые таблички и летописи. На годовой табличке царя II династии Семерхета представлено событие $\mathfrak{hms}\text{-}\mathfrak{Hr}$, во время которого царь и его спутники посетили святилище бога Большой Белый в образе павиана, который почитался как царский предок (Рисунок 16).

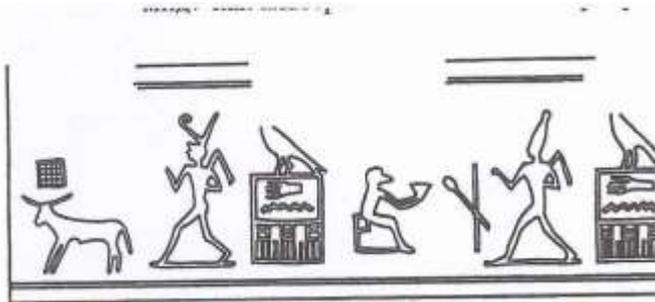

Рисунок 15. Оттиск печати Хора-Дена

Рисунок 16. Годовая табличка Хора-Семерхета

Обожествленными предками становились умершие цари. Так, упоминается статуэтка сидящего на корточках павиана, хранящаяся в Берлине, на пьедестале которого выписано тронное имя царя Нармера в знаке $\text{sr}\mathfrak{h}$ [25]. О важной роли Большого Белого свидетельствует тот факт, что подобные воплощения из фаянса в большом количестве найдены при археологических раскопках. Речь идет о депозитах, найденных на четырех памятниках: в Телль Ибрагим Аваде [36], Иераконполе [37], Абидосе [38] и храме Сотис на о-ве Элефантина [39].

В Телль Ибрагим Аваде найдено двести сидящих фаянсовых фигурок павиана (как и на других памятниках) [36], которые воплощают Большого Белого — царского предка. Среди votивных предметов найдено несколько моделей лодок, причем в одной из них воплощены семь павианов [36].

На алтаре храмовой постройки Древнего царства была найдена голова (и фрагменты лап) от крупной статуэтки павиана [36] (Рисунок 17).

В совокупности с такими предметами, как многочисленные грушевидные булавы, фигурка из слоновой кости льва, сокола, модели нижнеегипетского святилища $\text{rg}\text{-nw}$, наосов, статуэтка Гарпократа, сосуды с изображением хора имени царей Ка и Нармера, фаянсовые плитки со знаком $\text{sr}\mathfrak{h}$, — votивных предметов, символизирующих царскую власть, уместно говорить о том, что раннее святилище протодинастического/раннединастического периода было посвящено царскому культу.

На упомянутой годовой табличке Семерхета представлен еще один праздник $\text{d}\mathfrak{s}\mathfrak{r}$, который был посвящен божественной лодке. Она в точности соответствует знаку $\mathfrak{hms}\text{-}\mathfrak{Hr}$ «спутники Хора», что говорит о том, что это мероприятие осуществлялось на лодке, которая считалась божественной, и изображена она была в связи с празднованием этой священной лодки $\text{d}\mathfrak{s}\mathfrak{r}$. Это событие зафиксировано на фрагменте 5 во втором ряду [25].

Годовые таблички свидетельствуют о военных успехах царей, однако реже, чем о других событиях. Хор-Нармер практически на всех изобразительных памятниках представлен как воин, начиная с церемониальной палетки. В символической форме, в образе рыбы сома он сразил вождя в Низовье (Рисунок 7, 18).

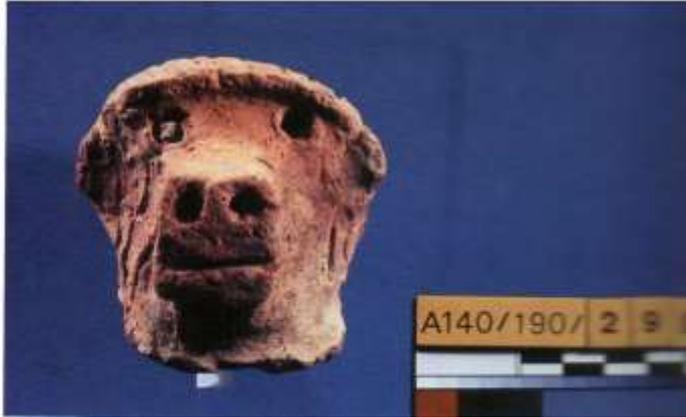

Рисунок 17. Голова от статуи павиана из Телль Ибрагим Авада

Рисунок 18. Фрагмент палетки Нармера с его именем

На фрагменте таблички царя Аха каноническое изображение царя с булавой, вознесенной над головой коленопреклоненного пленного. Т. Уилкинсон трактует его, как результат успешного похода Хора-Аха в Нубию [22]. В Памермской летописи военные успехи царей встречаются значительно реже, чем на годовых табличках. В третьем регистре речь идет о «поражении Бедуинов» — *sq* *Iwntw* племени на северо-востоке, которые были постоянным препятствием на торговых путях. Возможно, это упоминание соответствует изображению на годовой табличке из слоновой кости царя Дена из Абидоса, где позади стоящего на колене плененного врага — надпись *sp tr* *sq* *i3bt* — «первое поражение восточных» (Рисунок 19).

Однако М. А. Хоффман иначе трактует иконографию поверженного врага. Анализируя внешний вид его, - короткую юбку, длинные волосы, бороду, что соответствовало облику фараонов, он полагает, что и вся сцена выглядит как борьба за контроль над путем к Нилу, чем вторжение фараона на Восток [18]. Так кто же мог конкурировать с царем Деном? Получается, что его противник был представителем египетской элиты. Можно допустить, что процесс собирания египетских земель царями Верхнего Египта, из Иераконполя, а затем Абидоса (тинитская династия) не обходился без военных столкновений с лидерами других локальных территорий. Достаточно вспомнить имена, начертанные в знаке *sg*х — Крокодила из Фаюма, неизвестных из Тархана или знаки *sg*х без хоровых имен, найденных при археологических исследованиях на разных локальных территориях раннединастического времени.

Мифологическое и/или историческое сознание в прото/раннединастическом Египте. В древнеегипетской культуре существовали различные кодовые символические языки. Для дописьменного периода особую роль играл визуальный язык изображений, неразрывно связанные с мифопоэтической эпохой. Изобразительное искусство служило важным средством коммуникации между поколениями, поддержания коллективной памяти и сохранения ценностных традиций, познания мироустройства. Присущая мифологическому

мышлению биполярность отразилась в структуре композиций и образной системе с применением приема зеркальной симметрии, раскрывающих главную тему борьбы и победы космического упорядочивающего начала с хаотической деструкцией.

Воплощенные на одной и той же палетке композиции взаимосвязаны, скоординированы между собой. Сочетание осевой (на реверсе) и центрической (на аверсе) композиции символизирует представления о целостном мироздании, организованном пространством-временем космосе с сакральным центром и периферией в его вертикальном и горизонтальном членении. В сценах представлены мотивы преследования хищниками копытных животных, сражений и охоты, иначе говоря, — в сюжетах противоборства, оппозиций, которые являются элементами целостного мироздания. Это разделение на три типа «размывается» присутствием хищных птиц и животных-помощников, выступающих на стороне победителей в сцене сражений. Они включены в бинарную систему представлений и роли символических образов медиаторов, разрешающих конфликты между противоположностями [6, 41].

Представления о победе космического порядка над хаосом, в изобразительном искусстве выраженная через символическую образность, воплощает мироздание, в котором управляет закон, единый для макромира и микромира, социально-культурного и природного, человеческого и божественного [34]. Медиатором между этими оппозициями являлся вождь-священный царь, наделенный двойственной природой, магической силой и знаниями. Поэтому важнейшие ритуалы в древних и традиционных культурах связаны с фигурой правителя, регулирующего жизнь социума. На палетках вождь/царь не изображен, на них представлены животные, — лев, бык, символизирующие его [42]. Однако уже в конце протодинастического периода, при нулевой династии изображения царя представлены на церемониальных булавах царей Скорпиона и Нармера из главного депозита в святилище Хора в Иераконполе, а также хорово имя другого царя Скорпиона из большого некрополя в Умм эль-Каабе (см. выше). В это время появляются и годовые таблички царей. Наиболее ранней является табличка и печать Нармера, за которой следуют сотни годовых табличек, печатей и нанесенных чернилами хоровых имен царей.

Принцип двойственности, составляющую целостность, буквально пронизывает древнеегипетскую культуру. Древний Египет назывался «двумя берегами», двумя землями *šmz t3wj* — Верхним и Нижнем Египтом, составляющими страну как единство (двуединое царство), воплощенного в мифологической образности. Это Хор и Сетх, стоящие по сторонам от символа объединенного Египта — *šmz* (Рисунок 20), две владычицы Небти, — *nbtu* богиня Верхнего Египта Нехбет и Нижнего Египта Уаджет, царь Верхнего и Нижнего Египта — *nswt-b'ity* в титулатуре царей, начиная с I династии.

К этому же принципу относятся антагонистические пары явлений культуры в исследовании Ю. М. Лотмана о традиции, постепенных и взрывных процессах в синхронно работающей структуре, две, но взаимно необходимые тенденции: постепенные и взрывные, которые выполняют важные функции: одни обеспечивают преемственность другие новаторство, которые вместе составляют единство развития культуры как системы. Этот принцип особенно ярко продемонстрирован Яном Ассманом на примере значений двух терминов в египетском языке, обозначающем понятие времени — *джет* и *нехех* как объединенное двойное время, как космический процесс времени и процессуальности. Основой для этих сложных представлений послужила солнечная теология, которая соотносилась с жизненным циклом микромира. Вечное циклическое время *нехех* воплощается в образе солнечного бога, который в имени его Хепри возникает утром на восточном горизонте, в зените это солнце — бог Ра в полной его силе, и в имени его Атум,

что означает «завершенный», проваливается в преисподнюю за западным горизонтом, где он сражается с врагом Апопом. Но прежде, чем вновь возникнуть в восточной части неба, солнечный бог навещает «вчерашнее» солнце, бога Осириса, который символизирует время джет. «Только вместе они создают реальность: и общие их усилия поддерживают систему нехех — джет, воспринимаемую человеком как “время” – те периодические воссоединения аспектов изменчивости и завершенности, периодически благодаря которым и существует действительность, понимаемая как непрерывность космической жизни» [28]. Таким образом, понятие «возвращение к прошлому», введенное в научный оборот культурологом М. Элиаде, находит в анализе Яна Ассмана глубинные и сложные древнеегипетские представления о космическом исчислении времени на основе религиозно-мифологических представлений о двух измерениях времени, основанных на солнечной теологии, восходящих к божественной сфере.

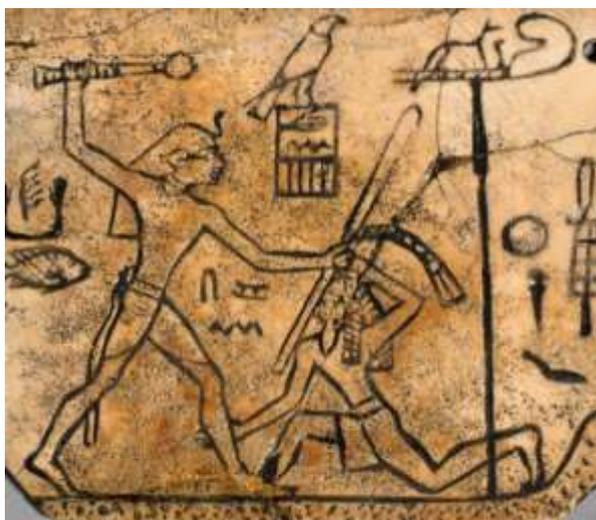

Рисунок 19. Годовая табличка Хора-Дена из Абидоса

Рисунок 20. Хор и Сетх. Символ объединения Верхнего и Нижнего Египта

Тот же принцип двойственности в целостности культуры Ян Ассман изучает в контексте терминологии К. Леви-Стросса о двух типах культур «холодной» и «горячей» [43]. Эта оппозиция, на наш взгляд, перекликается с теорией Ю. М. Лотмана о двух тенденциях развития культур: преемственности и новаторства. Если «холодные» культуры сопротивляются всякому изменению, выступают против истории, то «горячие» выражают потребность к изменениям. Вопрос, таким образом, сводится к исследованию форм памяти о прошлом и охватывает миф и историю. «Миф», – в одном из определений Яна Ассмана, – это сконденсированное до обосновывающей истории прошлое». При этом автор подчеркивает о каком прошлом идет речь: об абсолютном (своего рода вечности), которое обосновывает миф, в модусе циклического повторения (= время нехех), что присуще «холодным» обществам, или «историческом» прошлом, — «миф обосновывает представление о себе “горячего” общества, интериоризировавшего свое историческое становление» [44]. Здесь Ассман приводит удачное выражение М. Элиаде о различиях этих типов общества: «на место семиотизации космоса заступает семиотизация истории», то есть осознание истории.

В бесписьменных культурах идентичность означает приверженность к традиционным обрядам и ритуалам повторения мифологического прошлого, из поколения в поколение передающегося с помощью памяти и множества кодовых языков, символических форм:

мифов, танцев, песен, пословиц, орнаментов, изобразительных текстов, скульптуры и пр. «Правильное» проведение обрядов по предначертанному порядку указывает на представления о круговращении времени, его цикличности, о повторении событий, произошедших в вечности, что придает им смысл. Письменность, приносящая толкование, прерывает традицию обрядово-ритуальной практики дописьменного времени, формирует новые смыслы. В Египте протодинастического времени наступал такой переход к началу эпохи письменности, которая внесла изменения в развитие традиционной культуры. Создавалось централизованное государство, в котором верховная власть и элита стремились сохранить память о прошлом, создавая списки царей, возводя монументальные гробницы, где возникает письменность. «Государственно организованные культуры склонны к культурной горячности» [44], а также отмечает, что общества и культуры не обязательно должны быть целиком “холодными” или “горячими” [44]. И все же, несмотря на линейный ход истории, маркированный списками царей, Ян Ассман полагает, что египетская культура относится к «холодным»: «Списки царей и хроники оказываются успокоительным, а не возбуждающим средством историографии» [44]. А также: «Тысячелетняя история древнего Египта выработала особенно сложно организованное и ярко выраженное историческое сознание..., однако в источниках ничего подобного не сохранилось... Списки царей и хроники оказываются успокоительным, а не возбуждающим средством историографии. Можно назвать это и “холодной памятью”», поскольку представления о богах, стоящих у рождения цивилизации, установления обрядов и ритуалов, норм поведения и пр. превращает историю в мифологию» [44]. Не подвергая сомнению справедливость заключений ученого, отметим лишь, что у него речь идет о солярных теологических представлениях, — противоположности солнечного бога и Осириса (времени нехех и джет), в то время как в данной статье речь идет о сложении государства, когда существовали иные мифологические представления, хотя, как говорилось выше, уже при II династии существовал культ солнечного Ра. Важнейшую роль играл культ предков, при этом, как отмечалось выше, цари почитали бога Большой Белый, роль которого мог играть умерший царь (статуэтка Нармера в образе бога-покровителя царей Большого Белого). Собственно говоря, и сам Ассман отмечает, что сложение вождеств и на их основе в дальнейшей перспективе рождение централизованного государства служит симптом «горячего» общества. Память о додинастическом/раннединастическом времени сохранилась, в частности, в изображениях древних святилищ Верхнего и Нижнего Египта в храмах птолемеевского времени. Сквозь столетия и тысячелетия в классическую эпоху проник древнейший образ первобытного холма, вышедшего из первоначальных вод. В Текстах пирамид этот пра-холм стал образом солярного бога Атума. Образ первобытного холма лег в основу представлений при возведении храма, символизировавшего структуру Вселенной [44]. В этом контексте исторических событий, причастных к изменениям, с одной стороны, и сохранении глубинной культурной памяти, с другой, как представляется, можно было бы рассматривать египетскую культуру на протяжении всей его истории как соединение элементов «горячей» и «холодной» культуры. Едва ли найдется иная культура древности или традиционная этнографическая, в которой представления о началах мира не происходили бы от обожествленных первопредков и богов, что сохранилось в культурах в исторической перспективе. В этой связи достаточно сложно понять два взаимоисключающих положения о том, что рождение государства является симптомом «горячего» общества, и понятию культурной памяти, обоснованной мифом. Но понятней становится то, что Ассман добавляет ключевое: на всех стадиях культурной эволюции [44], то есть исключаются моменты изменений, которые претерпела тысячелетняя культура древнего Египта развития всех сфер жизни общества, политические,

хозяйственные и прочее. У него речь идет о сознании человека, о двухмерности или двухвременности человеческой жизни, то есть в рамках обосновывающего мифа и настоящего для древнего человека, как если бы он не был включенным во все пласты жизни общества с периодическими вторжениями войн, разрушений, смены династий, религиозных реформ царя Эхнатона и прочих негативных событий, воспринимаемых как вторжение хаоса в гармонично, сбалансированно существующего космоса.

Возникновение письменности в форме годовых табличек в Раннем царстве, летописей на Палермском камне и фрагментах времени Древнего царства как будто свидетельствуют о хронологическом (линейном) принципе восприятия времени событий. Названный Яном Ассманом культурный феномен — «монументальная память» или «монументальный дискурс», к которой он причисляет годовые таблички, летописи, написанные иероглифическим письмом, монументальную архитектуру, изобразительное искусство, он определяет, как «священное пространство длительности», как «письмо божественных слов» (так оно называется по-египетски), он определяет как явления «холодного» общества и памяти [44]. Разумеется, построения Ассмана основываются на египетских источниках, что свидетельствует о древнеегипетских представлениях. И понятно, что для историка, полагающегося на источники, раскрывающие уровень коллективного сознания, эти выводы обладают полной достоверностью.

Вот и иероглифическая письменность в представлениях древних египтян является даром божественного мира, но с точки зрения историка она возникает как ступень развития общества в период сложения централизованного государства и возникновения институтов монархии. Изобразительное искусство с его символической многозначностью порождает письменность, знаковый характер которого сопряжен с принципами языка, но одновременно он впитал содержания изображений, символизирующих окружающий мир в образной системе. Важна не сама вещь, а ее образ, за которым стоит его многозначность. Возможно, поэтому в священных текстах классической эпохи, в частности в Книге Мертвых, наряду с письменным текстом представлено изображение того, о чем сообщает текст. И, хотя изображение как бы служит иллюстрацией к тексту, между ними существует различие. Изображения (иконы) предоставляют более глубокую информацию, чем текст, конкретизирующий содержание заклинаний. Изображения раскрывают и ключевой момент ритуала, и стоящие за ними мифы, порой уводящие к глубинному прошлому. Письмо же требует толкования старых источников при изменениях в культуре.

В египетском пантеоне. Тот почитался как бог, наделивший знаниями людей, бог письма и «владыкой словес». Говоря шире, Тот являлся ключевой фигурой; он почитался как бог мудрости, магических знаний, создатель времени, письменности, счёта, меры, числа, границ, целительства, бог-жрец, посланец, оракул, наставник царя Хора-имярек, проводник умерших через загробный мир: «Я — Тот, премудрый, предвещающий утро; я смотрю... руководитель неба, земли, преисподней, творец жизни людей; я даю дуновения, которые в тайне заклинаниями моих изречений...» [45]. Он величался сердцем и языком верховного бога Ра [45], являлся его советником, правой рукой. Как персонификация представлений о божественном происхождении иероглифического письма, Тот владел всеми тайнами знаний, зафиксированными в текстах. В поднебесном мире люди вступали в контакты с божественной сферой через инструментарий языка, речи и письменности, изображений и других кодов как инструментария коммуникаций. Согласно легенде, Тот восхваляет письмо — основной проводник знания рех, которое он даровал людям [45]. Однако бог-творец Атум предостерегает, что в таком случае люди будут полагаться на письмо, утрачивая память, заключенную в божественном знании сиа [46], утрачивая воспоминания, ограничиваясь

припоминанием. Устная речь считалась просветляющей. Действенная сила литургической речи восходила к божественному духу, что подчеркивает связь между речью и её создателем. Через его посредничество осуществляется выраженное в знании божественных событий и смыслов.

Список сокращений:

- ВДИ — Вестник древней истории.
ЖЕА — Journal of Egyptian Archaeology (Egypt Exploration Society).
MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Abteilung Kairo.

Список литературы:

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2004.
2. Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008.
3. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.
4. Юнг К. Г. Психологические типы. Минск, 2003.
5. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
6. Hendrickx S., Darnell J. C., Gatto M. C. The earliest representations of royal power in Egypt: the rock drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan) // *Antiquity*. 2012. V. 86. №334. P. 1068-1083. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00048250>
7. Vanhulle D. Boat symbolism in predynastic and early dynastic egypt: an ethno-archaeological approach // *Journal of ancient Egyptian interconnections*. 2018. V. 17.
8. Quibell J. E., Green F. W. Hierakonpolis, II (London, 1902), Pl // LXVIII, rooms. P. 2-5..
9. Шеркова Т. А. Хаос и космос // *Египет и сопредельные страны*. 2019. С. 82-105.
10. Bestock L. The early dynastic funerary enclosures of Abydos // *Archéo-Nil*. 2008. V. 18. №1. P. 42-59.
11. Emery W. B. *Archaic Egypt*. Penguin, 1972.
12. Lichtheim M. (ed.). *Ancient Egyptian Literature*. Univ of California Press, 2019.
13. Савельева Т. Н. Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства. М., 1992.
14. Baines J. *Visual and written culture in ancient Egypt*. Oxford University Press, USA, 2007.
15. Wengrow D. *The invention of writing in Egypt*. Oriental Institute, University of Chicago, 2011.
16. Teeter E. (ed.). *Before the pyramids: The origins of Egyptian civilization*. Chicago, IL : Oriental Institute of the University of Chicago, 2011. P. 8.
17. Friedman R. The Masks of Hierakonpolis Cemetery НК6 // MA Juchaj. debowska-ludwin-p. kolodziejczyk (eds.), *Aegyptus Est Imago Caeli: Studies Presented to Krzysztof M. Ciałowicz on His 60th Birthday*, Krakow. 2014. P. 115-127.
18. Hoffman M. A. *Egypt before the pharaohs: The prehistoric foundations of Egyptian civilization*. Knopf, 1979.
19. Davis W. Artists and patrons in Predynastic and early Dynastic Egypt // *Studien zur altägyptischen Kultur*. 1983. P. 119-139..
20. Dreyer G. Tomb U-J: A Royal Burial of Dynasty 0 at Abydos // *Before the Pyramids. The origin of Egyptian Civilization*. 2011.
21. Hendrickx S. The emergence of the Egyptian state // *The Cambridge World Prehistory*. 2014. V. 1. P. 259-278.
22. Wilkinson T. A. H. *Early Dynastic Egypt*. London-New York: Routledge. 1999.
23. Hendrickx S. Arguments for an Upper Egyptian origin of the palace-façade and the serekh during Late Predynastic-Early Dynastic times // *Göttinger Miszellen*. 2001. V. 184. P. 85-110.

24. Friedman R. The ceremonial center at Hierakonopolis locality НК29А // Aspects of early Egypt. 1996.
25. Fritschy W. A New Interpretation of the Early Dynastic so-called 'Year'Labels. 'Balm Labels' and the Preservation of the Memory of the King // The Journal of Egyptian Archaeology. 2021. V. 107. №1-2. P. 207-224. <https://doi.org/10.1177/0307513321110603>
26. Nuzzolo M. The Palermo Stone and its associated fragments: New discoveries on the oldest royal annals of Ancient Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology. 2021. V. 107. №1-2. P. 57-78. <https://doi.org/10.1177/0307513321110494>
27. Wilkinson T. A. H. Royal annals of ancient Egypt: the Palermo Stone and its associated fragments. Routledge, 2000.
28. Ассман Ян. Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999.
29. Элиаде М. Аспекты мифа, М., 2010.
30. Кереньи К., Юнг К. Г. Введение в сущность мифологии // К. Г. Юнг. Душа и миф. Шесть архетипов. М., 2005.
31. Юнг К. Г. Структура и динамика психического. М., 2008.
32. Юнг К. Г. Символы трансформации. М., 2009.
33. Кассирер Э. Философия символических форм. Т.2 М.- СПб., 2002.
34. Топоров В. Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1. М., 2014.
35. Шеркова Т. А. Война и мир в додинастическом и раннединастическом Египте // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №11. С. 449-479. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/96/61>
36. Древнеегипетский храм в Телль Ибрагим Аваде: раскопки и открытия. М., 2002.
37. Quibell J. E., Green F. W. Hierakonpolis II. L., 1902.
38. Petrie F. W. M. Abydos. L., 1903.
39. Dreyer G. Elephantine VIII: Der Temple der Satet. // AVDAIK, 1986. 39.
40. Шеркова Т. А. Семь павианов в одной лодке// Древнеегипетский храм в Телль Ибрагим Аваде: раскопки и открытия. М., 2002. С. 82-95.
41. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
42. Шеркова Т. А. Фантастические образы в додинастическом и раннединастическом Египте // Египет и сопредельные страны. 2018.
43. Porko L. History-writing in Ancient Egypt // Encyclopedia of Egyptology, 1 (1). University of California, 2014p. 1-10.
44. Ассман Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
45. Тураев Б.А. Бог Тот: опыт исследования в области древнеегипетской культуры. СПб., 2002.
46. Gardiner A. Egyptian Grammar. L., 1950.

References:

1. Lotman, Yu. M. (2004). Semiosfera. St. Petersburg. (in Russian).
2. Bart, R. (2008). Nulevaya stepen' pis'ma. Moscow. (in Russian).
3. Levi-Stross, K. (1994). Pervobytnoe myshlenie. Moscow. (in Russian).
4. Yung, K. G. (2003). Psikhologicheskie tipy. Minsk. (in Russian).
5. Lotman, Yu. M. (1992). Kul'tura i vzryv. Moscow. (in Russian).

6. Hendrickx, S., Darnell, J. C., & Gatto, M. C. (2012). The earliest representations of royal power in Egypt: the rock drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan). *Antiquity*, 86(334), 1068-1083. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00048250>
7. Vanhulle, D. (2018). Boat symbolism in predynastic and early dynastic egypt: an ethno-archaeological approach. *Journal of ancient Egyptian interconnections*, 17.
8. Quibell, J. E., & Green, F. W. Hierakonpolis, II (London, 1902), Pl. LXVIII, rooms, 2-5.
9. Sherkova, T. A. (2019). Khaos i kosmos. In *Egipet i sopredel'nye strany*, 82-105. (in Russian).
10. Bestock, L. (2008). The early dynastic funerary enclosures of Abydos. *Archéo-Nil*, 18(1), 42-59.
11. Emery, W. B. (1972). *Archaic Egypt*. Penguin.
12. Lichtheim, M. (Ed.). (2019). *Ancient Egyptian Literature*. Univ of California Press.
13. Savel'eva, T. N. (1992). Khramovye khozyaistva Egipta vremeni Drevnego tsarstva. Moscow. (in Russian).
14. Baines, J. (2007). *Visual and written culture in ancient Egypt*. Oxford University Press, USA.
15. Wengrow, D. (2011). The invention of writing in Egypt. Oriental Institute, University of Chicago.
16. Teeter, E. (Ed.). (2011). *Before the pyramids: The origins of Egyptian civilization* (p. 8). Chicago, IL: Oriental Institute of the University of Chicago.
17. Friedman, R. (2014). The Masks of Hierakonpolis Cemetery HK6. *MA Juchaj. debowska-ludwin-p. kolodziejczyk (eds.), Aegyptus Est Imago Caeli: Studies Presented to Krzysztof M. Ciałowicz on His 60th Birthday, Krakow*, 115-127.
18. Hoffman, M. A. (1979). *Egypt before the pharaohs: The prehistoric foundations of Egyptian civilization*. Knopf.
19. Davis, W. (1983). Artists and patrons in Predynastic and early Dynastic Egypt. *Studien zur altägyptischen Kultur*, 119-139.
20. Dreyer, G. & Tomb, U-J: (2011). A Royal Burial of Dynasty 0 at Abydos // Before the Pyramids. The origin of Egyptian Civilization. Ed. by E. Teeter. Chicago,
21. Hendrickx, S. (2014). The emergence of the Egyptian state. *The Cambridge World Prehistory*, 1, 259-278.
22. Wilkinson, T. A. H. (1999). *Early Dynastic Egypt*. London-New York: Routledge.
23. Hendrickx, S. (2001). Arguments for an Upper Egyptian origin of the palace-façade and the serekh during Late Predynastic-Early Dynastic times. *Göttinger Miszellen*, 184, 85-110.
24. Friedman, R. (1996). The ceremonial center at Hierakonpolis locality HK29A. *Aspects of early Egypt*.
25. Fritschy, W. (2021). A New Interpretation of the Early Dynastic so-called 'Year' Labels. 'Balm Labels' and the Preservation of the Memory of the King. *The Journal of Egyptian Archaeology*, 107(1-2), 207-224. <https://doi.org/10.1177/030751332110603>
26. Nuzzolo, M. (2021). The Palermo Stone and its associated fragments: New discoveries on the oldest royal annals of Ancient Egypt. *The Journal of Egyptian Archaeology*, 107(1-2), 57-78. <https://doi.org/10.1177/030751332110494>
27. Wilkinson, T. A. (2000). *Royal annals of ancient Egypt: the Palermo Stone and its associated fragments*. Routledge.
28. Assman, Ya. (1999). *Egipet. Teologiya i blagochestie rannei tsivilizatsii*. Moscow. (in Russian).
29. Eliade, M. (2010). *Aspekty mifa*. Moscow. (in Russian).

30. Keren'I, K., & Yung, K. G. (2005). Vvedenie v sushchnost' mifologii. In *Dusha i mif. Shest' arkhetipov*, Moscow. (in Russian).
31. Yung, K. G. (2008). *Struktura i dinamika psikhicheskogo*. Moscow. (in Russian).
32. Yung, K. G. (2009). *Simvoly transformatsii*. Moscow. (in Russian).
33. Kassirer, E. (2002). *Filosofiya simvolicheskikh form*. Moscow. (in Russian).
34. Toporov, V. N. (2014). *Mifologiya*. Moscow. (in Russian).
35. Sherkova, T. (2023). War and Peace in Predynastic and Early Dynastic Egypt. *Bulletin of Science and Practice*, 9(11), 449-479. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/96/61>
36. *Drevneegipetskii khram v Tell' Ibragim Avade: raskopki i otkrytiya* (2002). Moscow. (in Russian).
37. Quibell, J. E., & Green, F. W. (1902). Hierakonpolis II. L.
38. Petrie, F. (1903). W. M. Abydos. L.
39. Dreyer, G. (1986). Elephantine VIII: Der Temple der Satet. *AVDAIK*, 39.
40. Sherkova, T. A. (2002). Sem' pavianov v odnoi lodke. In *Drevneegipetskii khram v Tell' Ibragim Avade: raskopki i otkrytiya*, Moscow, 82-95. (in Russian).
41. Levi-Stros, K. (1983). *Strukturnaya antropologiya*. Moscow. (in Russian).
42. Sherkova, T. A. (2018). Fantasticheskie obrazy v dodinasticheskom i rannedodinasticheskom Egipte. In *Egipet i sopredel'nye strany*, 2. (in Russian).
43. Porco, L. (2014). History-writing in Ancient Egypt. *Encyclopedia of Egyptology*, 1 (1). University of California, 1-10.
44. Assman, Yan. (2004). Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. Moscow. (in Russian).
45. Turaev, B. A. (2002). Bog Tot: opyt issledovaniya v oblasti drevneegipetskoj kul'tury. St. Petersburg. (in Russian).
46. Gardiner, A. (1950). *Egyptian Grammar*. L.

Работа поступила
в редакцию 07.04.2024 г.

Принята к публикации
16.04.2024 г.

Ссылка для цитирования:

Шеркова Т. А. Изобразительные и иероглифические тексты в додинастическом и раннединастическом Египте // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. №5. С. 692-717. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/102/95>

Cite as (APA):

Sherkova, T. (2024). Picture and Hieroglyphic Texts in Predynastic and Early Dynastic Egypt. *Bulletin of Science and Practice*, 10(5), 692-717. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/102/95>